

Дръ Иванъ Жидовскій:

Языковыя права
автономной
Подкарпатской Руси.

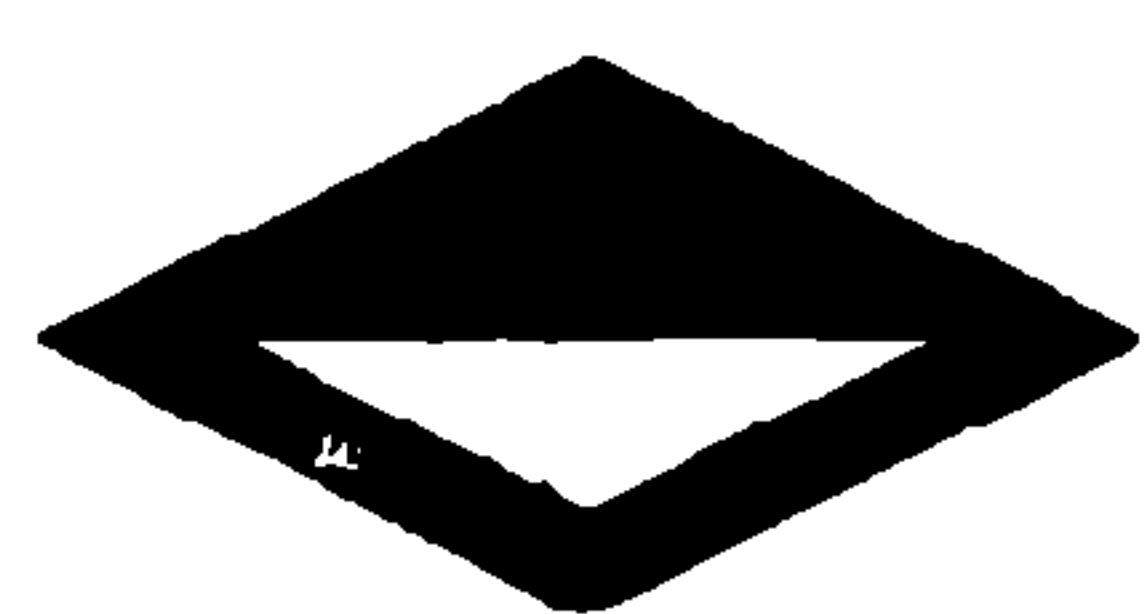
Цѣна: 3 кч. 50 г.

Издатель: J. U. Dr. Ivan Židovskij, Prešov.
Типографія „Св. Николая”, Пряшевъ, 1930..

Дръ Иванъ Жидовскій:

Языковыя права
автономной
Подкарпатской Руси.

Юридическое объясненіе установленій чл. языковаго закона № 122/1920 и языковаго распоряженія № 17/1926 Сб. з. и р. о языковыхъ правахъ Подкарпатской Руси, съ карпаторусской точки зрењія.

*Іздательство.
P. Židovskij.*

Цѣна: 3 кч. 50 г.

Издатель: J. U. Dr. Ivan Židovskij, Prešov.
Типографія „Св. Николая“, Пряшевъ. 1930.

Предисловіе.

Этой работой хотѣль я опредѣлить правовое положеніе русского языка только въ автономной Подкарпатской Руси, гдѣ русскій народъ является „автономныхъ“ народомъ. Внѣ предѣловъ П. Руси (на Словакіи) есть русскій народъ фактически и юридически меньшинствомъ. По сан-жерменскому мировому договору автономія должна принадлежать всей „землѣ югокарпатскихъ Русиновъ,“ значитъ и тѣхъ, которые не были пока приключены къ Подкарпатской Руси, для которой какъ таковой, но уже не для „земли Русиновъ“ признаетъ языковую автономію и конституція Чсл. Республики. И конституція — тѣмъ, что имѣеть ввиду исправленіе границъ — предполагаетъ въ будущемъ приключение дальнѣйшей русской територіи изъ нынѣшней Словакіи къ авт. Подкарпатской Руси. Такимъ образомъ случится, что послѣ исправленія границъ будетъ пользоваться правами автономнаго русского языка и та часть русского народа, которая не вошла еще въ составъ автономной Подкарпатской Руси. Чтобы это наступило, нужно, чтобы

1. русское обывательство П. Руси использовало свои права а
2. русское обывательство Словакіи свои возможности. Цѣлью русского народа Чехословакіи должно быть осуществленіе автономіи въ этнографическихъ границахъ. Важнымъ моментомъ будетъ въ этой борьбѣ успѣшное отстояніе народныхъ позицій при народной переписи дня 1. XII. 1930. на восточной Словакіи.

Пряшевъ, мѣсяцъ августъ 1930. г.

Авторъ.

Волею пражской центральной правительственної власти появилось въ 1926. году въ Сборникѣ законовъ и распоряженій Чехословацкаго Государства правительственное распоряженіе, за №17., въ которомъ правительство республики сообщило руководящія установленія относительно переведенія принциповъ языковаго закона № 122/20 въ рессортахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, правосудія, финансовъ, торговли и промышленности, общественныхъ работъ и здравоохраненія, и подчиненныхъ имъ вѣдомствъ и автономныхъ корпораций.

Послѣ опубликованія упомянутаго распоряженія произнесенные съ russкой стороны протесты (протестъ Ц. Р. Н. Рады, интерпеляціи и протесты всѣхъ карпаторусскихъ пословъ и прочихъ общественныхъ дѣятелей) далѣе произнесенные въ парламентѣ рѣчи (посоль Волошинъ,) заявленія министровъ (мин. внут. дѣлъ Носекъ) и, наконецъ, послѣ выдачи языковаго распоряженія водворившаяся языковая практика въ публичныхъ вѣдомствахъ и судахъ, стремящаяся ограничить наши языковыя права, что привело даже къ публичнымъ юридическимъ спорамъ (полемика Дра Лацко съ Д-ромъ Иліей Гаджега, какъ защитникомъ russкаго автономнаго языка на столбцахъ появляющейся въ Кошицахъ Мадьярской юридической газеты „Csehszlovák Jog“) ставятъ намъ категорическій приказъ, чтобы въ этомъ чрезвычайно важномъ вопросѣ опредѣлить и по нашимъ скромнымъ способностямъ защитить автономію russкого языка, которая не можетъ разматриваться, какъ вопросъ пустого народнаго тщеславія, но наоборотъ, является нашимъ перворяднымъ правовымъ и политическимъ russкимъ національнымъ интересомъ.

Дабы въ дальнѣйшемъ могли мы маневрировать на вѣрныхъ началахъ, начнемъ съ мирного договора, заключеннаго съ одной стороны между ведущими и союзными державами съ другой стороны между Чехословацкой Республикой дня 10. сентября 1919 въ Сань-Жерменѣ, какъ той формальной нормотворной дѣйствительности, на которой созидаются юридически возникновеніе и языковая автономія Подкарпатской Руси, какъ самостоятельной публичноправовой единицы.

Карпаторусской автономіи касающіяся установлениј цитированного мирнаго договора гласягъ въ переводѣ на русскій языкъ слѣдующимъ образомъ:

„10. статья“. Чехословакія обязуется, что въ границахъ опредѣленныхъ ведущими соединенными и союзными державами въ рамкахъ чехословацкаго государства съорганизуетъ землю Русиновъ на югѣ Карпатъ, какъ автономную единицу облеченнуу найширшай автономіей, совмѣстимой съ единствомъ чехословацкой державы.

„11. статья“. Територія югокарпатскихъ Русиновъ будетъ имѣть свой автономный сеймъ. Сей сеймъ будетъ имѣть законодательную власть въ языковыхъ, народопросвѣтительныхъ, вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ, какъ и въ дѣлахъ мѣстнаго управлениј и во всѣхъ прочихъ вопросахъ, которые прикажутъ въ его компетенцію законы чехословацкой державы. Губернаторъ русской територіи назначается президентомъ Чехословацкой Республики и отвѣтчиать будетъ русскому сейму.

„12. статья“: Чехословакія соглашается съ тѣмъ, чтобы должностные лица на русской територіи избирались по возможности изъ обывателей сей територіи.

„13. статья:“ Чехословакія заручаетъ русской територіи справедливое представлениe (заступленіе) въ законодательной корпораціи Чехословацкой республики, въ которую эта територія будетъ высылать депутатовъ избранныхъ согласно конституціи чехословяцкой республики. Но сіи депутаты не будутъ имѣть право голосовать въ чехословацкомъ парламентѣ въ никакихъ такихъ законодательныхъ вопросахъ, которые приданы въ компетенцію русского сейма“

Изъ высшеприведенныхъ установлений мирнаго договора, которыя со существеннымъ измѣненіемъ 11. статьи (по мирному договору отвѣчаетъ губернаторъ только сейму, по конституціи же и сейму) и съ изъятіемъ послѣдняго предложенія 13. статьи были инкорпорованы и въ конституціонную грамоту Республики (зак. № 121-920), явно слѣдуетъ широчайшая языковая автономія Подкарпатской Руси, сущность которой выражается въ томъ, что въ Подкарпатской Руси между ея границами какъ языкомъ законодательства, такъ и администраціи и юстиціи, есть языкъ русскій и то не лишь во внѣшнемъ сношеніи со сторонами, но и во внутренней службѣ, въ взаимномъ сношеніи урядовъ, однимъ словомъ, на автономной карпаторусской територіи русскій языкъ есть урядовымъ языкомъ, почески: *jazyk oficielní*, пофранцузски: *langue officielle*.

Такова была интенція мирнаго договора, когда для карпаторусской територіи установилъ законодательную власть въ языковой автономіи. Такъ размыщляла и Центральная Русская Народная Рада, рѣшеніе которой съ дня 8. мая 1919. о добровольномъ присоединеніи является основой принадлежности Подкарпатской Руси къ Чехословацкой Республике и также

объясняла смыслъ языковой автономіи чехословацкая го-
сударственная власть въ Прагѣ, которая днѧ 18. ноября 1919, (значитъ уже послѣ подписанія мирного договора) черезъ генерала Эннока (Hennoque,) какъ чехословацкаго диктатора и администратора Подкарпатской Руси, въ офиціальной газетѣ Подкарпатской Руси (урядовая газета I. № 1) за н-ромъ 299 през. и въ офиціальныхъ объявленіяхъ подъ названіемъ „Ге-
нерального Статута“ выдала свое первое нормативное распо-
ряженіе, въ которомъ говоритьъ:

„Языкъ народа (разумѣй языкъ Русиновъ) будетъ языкомъ обученія въ школахъ а вообще урядовымъ языкомъ, (langue officielle). Языкомъ народа считался языкъ русскій, какъ и на самомъ дѣлѣ „Генеральный статутъ“ былъ выданъ на русскомъ языкѣ.

Мимоходомъ сказано, однимъ изъ препятствій для возвращенія языковой автономіи приводится между прочимъ т. н. „Языковый хаосъ“. Противъ того слѣдуетъ констатировать, что тогда, когда разбирался вопросъ присоединенія Подкарпатской Руси къ Чехословакіи, не было еще языковыхъ боевъ между сторонниками велико- и малорусского направленія и компе-
тентные чехословацкіе дѣятели думали въ началѣ о русскомъ языкѣ тогда, когда обязались къ респектованію языковой автономіи Подкарпатской Руси.

Но, чтобы было ясно въ этомъ вопросѣ, слѣдуетъ помнить, что не въ томъ является сущность языковой автономіи Под-
карпатской Руси, что который русскій языкъ объявить будущій сеймъ „автономнымъ языкомъ“, но прежде всего въ томъ, что карпаторусскимъ сеймомъ за „автономный языкъ“, провозгла-
шенній языкъ будетъ на територіи Подкарпатской Руси какъ въ урядахъ, такъ и въ школахъ офиціальнымъ языкомъ со всѣми прерогативами (надправами) таковаго.

Карпаторусскій народный дѣятель Юлій Фельдешій въ своей брошюре „Государственно-правовый начертокъ автоном-
ной Карпатской Руси“, опредѣляетъ нашу языковую автономію слѣдующими словами:

„Наше право языковой автономіи обозначаетъ то, что языкъ внутренняго урядованія нашихъ урядовъ и языкъ сно-
шенія урядовъ со сторонами опредѣлить нашъ краевый сеймъ, далѣе, что въ языкѣ или на языкахъ этимъ органомъ опре-
дѣленныхъ должно вестися народное просвѣщеніе, должны выдаваться офиціальные распоряженія, объявленія, обозначенія и т. д. Знаніе общаго чехословацкаго государственного языка не можетъ быть навязано нашимъ чиновникамъ, лишь въ крайнемъ случаѣ у тѣхъ учрежденій, которыя призваны къ осуществленію сношенія между центральнымъ и мѣстнымъ автономнымъ правительствомъ... Ибо общий государственный языкъ не есть условіемъ единаго государства, но языкъ народа имѣющаго въ своемъ владѣніи центральную власть государства,

можеть лишь имѣть противъ языковъ остальныхъ народовъ, населяющихъ государство, ту одну привилегію, что въ практической жизни поданія составленныя въ государственномъ чехословацкомъ языкѣ могутъ претендовать на принятіе и въ Подкарпатской Руси, пока поданія составленныя на автономныхъ языкахъ должны приниматься только на автономной територіи и въ центральныхъ урядахъ государства а поданія составленныя на языкахъ народныхъ меньшинствъ только на территоріяхъ этихъ меньшинствъ, далѣе передъ апеляціонными урядами и въ центральныхъ урядахъ.

Единымъ ограниченіемъ нашей языковой автономіи есть приказъ респектировать единство державы и это условіе исполнено тѣмъ, если на нашей автономной територіи примемъ для улаженія и чехословацкія поданія. Но тѣмъ мы уже удовлетворили наши обязанности. Больше а именно урядовать на автономной територіи въ чехословацкомъ языкѣ, не можемъ быть обязаны."

Высше приведенные слова Юлія Фельдешія о сущности нашей языковой автономіи, совершенно сходятся со взглядами всѣхъ нашихъ карпатороссовъ и правосознательныхъ иноплеменниковъ и можемъ сказать, что въ приведенныхъ словахъ Юлія Фельдешія нужно намъ видѣть съ русской стороны тотъ первый публичный актъ, которымъ на бѣлой незаписанной еще страницѣ русской языковой автономіи были контуры языковой автономіи съ русской стороны начерчены.

Практика почитающая наши права тоже въ этихъ рамкахъ развивалась во всѣхъ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ нашу языковую автономію дѣйствительно уважали. То есть правосознательные урядники и судьи въ своей урядовой дѣятельности на Подкарпатской Руси считали русскій языкъ за языкъ внутренняго урядованія и вицѣшняго сношенія со сторонами и изъ-за этой юридической причины считали излишнимъ кромѣ русского языка еще отдельное, въ чехословацкомъ языкѣ совершающее улаженіе дѣлъ.

Правда, наибольшая часть урядническаго и судебнаго персонала будучи чешской по происхожденію, въ началѣ можетъ быть лишь изъ удобства или по незнанію русского языка, позднѣе уже по причинѣ одностороннаго, неправильнаго и карпаторусскими дѣятелями никогда неодобреннаго юридическаго толкованія чехословацкаго государственного языка считаетъ единымъ „урядовымъ“ языккомъ и въ Подкарпатской Руси только чехословацкій языкъ и оттѣснивъ русскій языкъ на позицію меньшинственныхъ языковъ (мадьярскій, нѣмецкій) не употребляетъ русскій языкъ, какъ урядовый ex offo никогда, возлѣ чехословацкаго языка рядомъ съ нимъ только тамъ и тогда, гдѣ стороны этого выразительно требуютъ.

Въ этомъ смыслѣ объясняютъ уже и § 100. правит. распоряженія № 17-926 Сб. з. и. р. выданного къ проведенію

языковаго закона, согласно котораго не взирая на взгляды карпаторосовъ и старую практику, считаютъ государственнымъ языкомъ только чехословацкій языкъ и даже идутъ въ своихъ стремленияхъ дальше и — какъ видимъ изъ атаки Д-ра Андора Лацко въ журналѣ *Csehszlovák Jog*,— осуждаютъ какъ незаконность внутреннее урядованіе и улаженіе дѣлъ на русскомъ языкѣ и указывая на возможность примѣненія карныхъ санкцій противъ такой практики, требуютъ переходъ на урядованіе въ чехословацкомъ государственномъ языкѣ, хотя пока только въ дѣлахъ чехословаковъ, мадьяръ и другихъ, ибо въ дѣлахъ карпатороссовъ и по диссертациіи Д-ра Андора Лацко, сего усерднаго пропагатора чехословацкаго государственного языка „могутъ быть на русскомъ языкѣ составлены протоколы о разбирательствахъ въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ интересованныя стороны или по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, принадлежать къ русской націи.“

Онь же принужденъ дальше признать, „что въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ выступаютъ исключительно русскія стороны, которая не на чехословацкомъ государственномъ языкѣ, но пользуясь правомъ предоставленнымъ имъ §-омъ 100. языковаго распоряженія, въ своемъ русскомъ языкѣ подаютъ свои поданія, нужно рѣшенія — разумѣется, — выдавать на русскомъ языкѣ. Относительно такихъ дѣлъ до сихъ поръ не существуетъ еще такое установление, чтобы рѣшенія въ такихъ дѣлахъ были выданы возлѣ русскаго языка еще и въ чехословацкомъ языкѣ — какъ урядовомъ государственномъ языкѣ единой республики“.

Иными словами значитъ и при самомъ наиширешиемъ толкованіи языковаго распоряженія № 17. въ пользу чехословацкаго, какъ единственнаго государственного языка, долженъ Дръ Лацко подтвердить такую практику, въ которой появляется урядованіе на одномъ только русскомъ языкѣ безъ чехословацкаго государственного языка и странно, что это находить возможнымъ безъ ограженія единства чехословацкой державы, идеей котораго оперуетъ въ пользу исключительности чехословацкаго урядового языка. Правда, что онъ объясняетъ это недостаткомъ надлежащей правовой нормы, но не думаетъ-ли, что сей единый — единственный и смотря на численность Русиновъ довольно частый случай, въ которомъ онъ принужденъ мириться съ исключительнымъ и самостоятельнымъ урядованіемъ на русскомъ языкѣ, уже дѣляетъ илюзорной его теорію объ единственномъ и исключительномъ чехословацкомъ государственномъ языкѣ, какъ результатъ единой державы! Видимъ изъ сего, что не изъ дефиниціи „единой державы“ нужно выводить языковыя нормы, но лишь изъ языковаго закона. Но прежде всего выяснимъ себѣ мѣсто и цѣну языковаго распоряженія № 17/926, чтобы стала очевидной правильность нашего взгляда о государственномъ

„автономномъ“ урядовомъ характеръ русского языка въ Подкарпатской Руси.

Въ языковыхъ дѣлахъ Подкарпатской Руси принадлежить **законодательная власть** русскому автономному сейму не только на основаніи мирного договора, но и согласно конституції Чехословацкой Республики (конст. грамота № 121 изъ 1920 года.)

Вдобавокъ къ конституціонной грамотѣ выданный языковый законъ № 122 изъ 1920 въ §-ѣ 1-омъ хотя и вообщемъ провозглашаетъ чехословацкій языкъ государственнымъ, урядовымъ языкомъ (jazyk státní, oficielní), но очень правильно сейчасъ же опредѣляетъ позитивноправовое содержаніе этого юридического выраженія съ точки зрењія позитивного права, предписывая въ слѣдующемъ начатіи тогоже параграфа его смыслъ сими словами:

(Чехословацкій языкъ), „есть посему особенно тѣмъ языкомъ:

1. на которомъ съ тѣмъ **ограниченіемъ**, которое устанавливаютъ §§-ы. 2. и 5. и съ **изъятіемъ** того, что согласно §-а 6. будетъ установлено относительно Подкарпатской Руси, происходитъ урядованіе всѣхъ судовъ, урядовъ, учрежденій, предпріятій и органовъ Республики, выдаются ихъ **объявленія** и виѣшнее обозначеніе,

2. на которомъ составляется главный текстъ государственныхъ билетовъ и банкнотъ,

3. которымъ пользуется оборона при командованіи и во службѣ.“

Если же теперь возьмемъ во вниманіе то, что вышеупомянутый 2. § въ пользу народныхъ и языковыхъ меньшинствъ перевышающихъ 20% населенія поодинокихъ окружовъ окружныхъ судовъ въ области урядованія а 5. § въ пользу языковыхъ меньшинствъ относительно языка народнаго просвѣщенія дѣлаетъ **ограниченія** противъ чехословацкому, нормально всеобще обязательному государственному языку, понеже кромѣ чехословацкаго языка предписывается еще и урядованіе (народное просвѣщеніе) на языкѣ меньшинства, значитъ до нѣкоторой степени **ограничиваетъ**, съужаетъ права государственного языка въ пользу меньшинственныхъ языковъ, противъ этому „ограниченію“ сейчасъ станетъ намъ очевиднымъ то „изъятіе“ „исключеніе“, которое содержитъ въ себѣ 6. § въ пользу Подкарпатской Руси.

Запомнимъ себѣ хорошо эти два юридические термины, употребляемые въ языковомъ законѣ: „**Ограничение**“ (výhrada) въ пользу народныхъ меньшинствъ а напротивъ тому „**изъятіе, исключеніе**“ (výjmka) по отношенію къ Подкарпатской Руси. Употребленіе сихъ терминовъ не есть случайнымъ оборотомъ рѣчи или юридической фразой, но является продуманнымъ и точнымъ выражениемъ разныхъ правовыхъ положеній. (Меньшинства и автономная нація!)

Для поддержки сего нашего юридического взгляда приведемъ здѣсь текстъ 6. §-а языковаго закона, который гласитъ:

„Сейму, имѣющему быть учрежденому для Подкарпатской Руси предоставается право, чтобы для этой територіи урегулировалъ вопросъ языка способомъ совмѣстимымъ съ единствомъ державы (10. статья Санъ-жерменского договора.)

Пока это урегулированіе не настанетъ, до того времени пусть примѣняется настоящій законъ, но съ оглядомъ на **особыя правовыя обстоятельства** этой територіи.“

Изъ цитированнаго законнаго установленія даже для лаиковъ является очевиднымъ то юридическое правило, что для Подкарпатской Руси не пражскій центральный парламентъ, но русскій автономный краевый сеймъ, значитъ отдельная законодательная корпорація установить урядовый, официальный языкъ. Если же центральный парламентъ Чехословакской Республики для урегулированія языковыхъ дѣлъ Подкарпатской Руси провозгласилъ комперентной одну другую, законодательнымъ правомъ облеченню, корпорацію (краевый сеймъ П. Руси), тогда изъ сей энунціаціи слѣдуетъ та дѣйствительность и юридическое правило одновременно, что для Подкарпатской Руси центральный парламентъ не установилъ, и не могъ установить еще чехословакскій языкъ за государственный языкъ, вѣдь для этой територіи предоставилъ вольное распоряженіе сейму, что видно тоже изъ того, что языковый законъ провозглашавъ 1. пунктъ 1. §-а чехословакскій языкъ **вообще** государственнымъ языккомъ республики, одновременно устанавливаетъ для Подкарпатской Руси **исключеніе** и указывая на содержаніе 6. §-а говорить въ немъ выразительно, что **упорядоченіе языковыхъ дѣлъ Подкарпатской Руси принадлежить до компетенціи краеваго сейма Подкарпатской Руси.**

И такъ, даже если не будемъ смотрѣть на сей вопросъ съ точки зрењія международнаго права и будемъ рассматривать карпаторусскую языковую автономію только съ точки зрењія внутренняго государственно — правового устройства (конституції), тутъ чехословакская центральная законодательная власть въ дѣлѣ упорядоченія языковыхъ дѣлъ Подкарпатской Руси предоставила законодательную власть карпаторусскому сейму, слѣдовательно до тѣхъ поръ, пока сіе установленіе конституціи не есть перемѣнено или отмѣнено, даже не можетъ пражскій центральный парламентъ вынести таковыи законъ, который бы опредѣлилъ урядовый, официальный законъ Подкарпатской Руси а если бы все же вынесъ такой законъ, то въ смыслѣ конституціи недѣйствителенъ, обо чемъ выносить постановленіе конституціонный судъ.

Вслѣдствіе высшесказаннаго можемъ сконстатировать какъ фактъ, что **урядовый языкъ для Подкарпатской**

Руси компетентнымъ къ тому форумомъ (краевымъ сеймомъ) до сихъ поръ установленъ не былъ.

Такъ само не опредѣлила урядовый языкъ Подкарпатской Руси центральная законодательная власть республики въ языковомъ законѣ, вѣдь этимъ правомъ повѣрила выразительно краевый сеймъ а не могла, не имѣла на мысли установить урядовый языкъ Подкарпатской Руси потому, что тогда не была бы этотъ вопросъ свѣрила автономному, еще несуществующему сейму, но была бы упорядочила сама.

Распоряженіе языковаго закона, что упорядоченіе языковаго вопроса Подкарпатской руси можетъ произойти только способомъ совмѣстимымъ съ единствомъ державы, вообще не обозначаетъ то, чтобы и въ Подкарпатской Руси могъ быть государственнымъ языкомъ ТОЛЬКО исключительно чехословакій языкъ, какъ въ остальныхъ частяхъ Республики или иными словами, что чехословакій языкъ есть урядовымъ языкомъ и для Подкарпатской Руси, какъ сказалъ быв. мин. вн. дѣлъ Носекъ въ своемъ парламентномъ отвѣтѣ на запросы карпаторусскихъ депутатовъ въ дебатѣ о законности языковаго распоряженія.

На оборотъ! Юридическою правдою есть то, что територія Подкарпатской Руси вслѣдствіе своей языковой автономіи, т. е. законодательной власти является исключеніемъ изъ того общаго правила, что чехословакій языкъ есть государственнымъ языкомъ вообще.

Сie исключеніе только подтверждаетъ общее правило, но лишь для остальныхъ частей Республики!

Относительно Подкарпатской Руси имѣть правовую силу особое языковое установленіе, которое ограничено единой нормой: обязанностью соблюдать единство державы! Этому единству державы не противорѣчитъ то обстоятельство, если въ Подкарпатской Руси провозгласится урядовымъ языкомъ русскій языкъ и не противорѣчитъ ани то обстоятельство, если въ Подкарпатской Руси будетъ урядованіе всѣхъ судовъ, урядовъ, учрежденій и предпріятій происходить на русскомъ языкѣ (по нынѣшней практикѣ происходитъ почески), конечно при соблюденіи правилъ существующихъ въ пользу народныхъ меньшинствъ.

Респектъ къ единству державы возлагаетъ на будущій автономный сеймъ то единое обязательство, чтобы при урегулированіи языковаго вопроса не выпустилъ изъ виду, что Подкарпатская Русь есть составной частью, членомъ Чехословакіи и потому при урегулированіи языковаго вопроса нужно дать возможность къ тому, чтобы между правительствомъ и вѣдомствами Подкарпатской Руси съ одной стороны и правительствомъ и вѣдомствами цѣлой державы и обывательствомъ остальныхъ частей республики, съ другой стороны было возможно урядовое сношеніе.

Сей повинности удовлетворитъ автономное законодательство тѣмъ, если постановить, чтобы чехословацкія поданія были приняты для улаженія и въ Подкарпатской Руси. Этимъ юридическимъ правиломъ и таковой практикой будетъ совершенно респектовано единство державы и при томъ опредѣлится граница карпаторусской языковой автономії, которая смотря на соотношеніе политическихъ силъ и по различію взглядовъ есть понятіемъ очень широкимъ, но какъ каждое право можетъ быть описана только негативно. Не можемъ отклонить чехословацкое поданіе потому, ибо если бы вмѣсто чехословацкаго языка требовали мы другой языкъ, напримѣръ французскій, тогда тѣмъ уже бы настало такое правовое положеніе, которое характеризуетъ отношенія совершенно независимыхъ государствъ. Мы являемся частью Чехословацкаго государства и тѣмъ, что мы на автономной територіи примемъ къ улаженію и чехословацкія поданія уже признали единство державы, значитъ удовлетворили возложенное на насъ обязательство респектировать это единство. — Больше мы дѣлать или терпѣть въ языковыхъ дѣлахъ не обязаны.

Сущность, вѣрнѣ размѣры нашей языковой автономіи впрочемъ не вполнѣ ясны даже въ нашихъ карпаторусскихъ кругахъ, потому нельзя достаточно напоминать, что при оцѣнкѣ языковаго права какъ каждого права или объекта надо смотрѣть его границы, гдѣ кончается. Границы нашему языку поставлены въ респектѣ къ единству державы и доста! Но уже нельзя допустить иныхъ его границы. Такъ особенно нельзя признать правильнымъ разграничение нашего общественного устройства на области чехословацкаго „государственного“ языка и русскаго „автономнаго“ языка, какъ то можно выводить изъ парламентной рѣчи быв. послы Волошина, который и въ парламентной рѣчи, и въ газетѣ „Свобода“ упомянулъ о томъ, чтобы въ „державныхъ“ урядахъ былъ урядовымъ языкомъ чехословацкій языкъ а въ „автономныхъ“ урядахъ русскій языкъ. Таковое изложеніе нашего языковаго права считаемъ неточнымъ, ибо при вжитой теперь терминологии, когда „державнымъ“ урядомъ есть и нотарскій урядъ, и фин. правленіе, и жупанатъ, и гражданское правленіе, и школьный инспекторатъ, и даже державная народная школа, выходило бы такъ, что во всѣхъ этихъ урядахъ и учрежденіяхъ нужно урядовать по чешски, а только въ автономныхъ урядахъ (сельскія, городскія и окружныхъ представительства) порусски. Потому намъ кажется, что произнесенное со стороны послы Волошина опредѣленіе языковаго урегулированія могло случиться только недосмотромъ а на самомъ дѣлѣ хотѣль и онъ сказать то, что уряды державы, дѣятельность которыхъ распространяется на всю державу (министерія и т. д.) пусть

урядуютъ почешски, но уряды автономные т. е. тѣ, дѣятельность которыхъ ограничена на П. Русь, пусть урядуютъ по русски. Такъ это правильно, вѣдь вся мѣстная, правильно краевая администрація есть нашимъ автономнымъ дѣломъ.

Что наша юридическая точка зрења о сущности языковой автономіи карпаторусской територіи респективе объ „офиціальности“ русского языка есть дѣйствительно правильна, можемъ указать кромѣ установленія цитированнаго уже „Генерального Статута“ на первоначальную практику чехословацкихъ офиціальныхъ факторовъ, урядовъ въ Подкарпатской Руси, далѣе на мнѣніе унив. профессоровъ Гецла и Вейра участвовавшихъ въ составленіи чехословацкой конституціи, которые относительно Подкарпатской Руси границей языковой автономіи приводятъ тоже единственный приказъ, что чехословацкія поданія должны быть приняты и въ карпаторусскихъ урядахъ, такъ какъ членовъ чехословацкой націи въ дѣлѣ пользованія языккомъ нельзя ани здѣсь считать членами народныхъ меньшинствъ и находятъ вполнѣ логичнымъ и то дальнѣйшее правило, что языки народныхъ меньшинствъ необходимо и здѣсь допустить въ урядахъ, покрайней мѣрѣ, въ такомъ масштабѣ, какъ въ остальныхъ частяхъ Республики.

Общество государственныхъ наукъ въ Прагѣ, дѣйствующее подъ фирмой „чешское политическое учение“ выдало 1. августа 1925. подъ названіемъ „Восемъ лекцій о Подкарпатской Руси“ книжку на русскомъ и чешскомъ языкахъ, содержащую въ себѣ лекціи о разныхъ отрасляхъ П. Руси.

Лекціи были устроены подъ патронатомъ парламентной комиссіи чешской националистической партіи народныхъ демократовъ и потому слѣдуетъ отмѣтить, что мнѣніе высказанное въ лекціи „Автономія Подкарпатской Руси“ отъ Іосифа Кржепинскаго, судебного референта Подкарпатской Руси при министерствѣ правосудія, какъ чешского специалиста содержитъ въ себѣ общепринятые взгляды чешскихъ національныхъ круговъ того времени и даже въ этой крайне національной чешской формуляціи рисуются наши языковыя права въ слѣдующихъ контурахъ: — (23. страница упомянутой книжки. Русский переводъ сдѣланъ авторомъ съ чешского текста такъ какъ русское изданіе лекціи не имѣлъ въ своемъ распоряженіи.)

„Итакъ сеймъ Подкарпатской Руси будетъ регулировать, языковыя дѣла въ тѣхъ границахъ, насколько смотря на государственный языкъ рѣшаетъ о нихъ уже пунктъ I. §-а I. языковаго закона (съ изъятіемъ того, что . . .) и есть ограничень единствомъ державы, значитъ не можетъ рѣшать о томъ что относительно государственного языка предписываетъ пунктъ 2. и 3. Не можетъ вынести постановленіе о тіомъ чтобы главный текстъ банкнотъ находящихся въ обращени на Подкарпатской Руси былъ иной, чѣмъ на государственномъ языкѣ. Далѣе не можетъ рѣшать о командномъ и служебномъ

языкахъ народной обороны, ибо въ пользу Подкарпатской Руси, языковымъ закономъ установленное исключеніе(!) не относится къ симъ мѣропріятіямъ. Такое рѣшеніе сейма было бы недѣйствительнымъ. Далѣе не можетъ сеймъ исключить національныхъ меньшинства изъ пользованія тѣми правами, что въ границахъ 2. §-а языковаго закона могутъ пользоваться своимъ языкомъ и не можетъ запретить гражданамъ Республики то ихъ право, чтобы въ своихъ частныхъ сношеніяхъ, торговыхъ, религіозныхъ дѣлахъ, въ печати и въ какихъ бы ни было публикаціяхъ или публичныхъ собраніяхъ пользовались какимъ угодно языкомъ, потому, что здѣсь расходится о гражданскихъ правахъ гарантированныхъ (нач. 3. § 128 съ ограниченіемъ нач. 4.) конституціей."

„Но сейму принадлежить (право), чтобы установилъ, что который языкъ есть урядовымъ языкомъ (*langue officielle*) Подкарпатской Руси, можетъ перемѣнить форму и способъ писанія — офиціального языка. Сей офиціальный языкъ (*langue officielle*) будетъ и урядовымъ языкомъ всѣхъ судовъ, урядовъ и органовъ перечисленныхъ въ §-ѣ I. языковаго закона, далѣе языкомъ обученія въ школахъ и въ этомъ языкѣ будетъ надо издавать урядовыя объявленія и виѣшня обозначенія урядовъ. Какое бы ни было ограниченіе сего права было бы по моему мнѣнію нарушеніемъ §§-овъ 1. и 6. языковаго закона!“ — вотъ что говорить объективный чешскій знатокъ права, Дръ Кржепинскій.

Если теперь противъ сего поставимъ то, что учить Дръ Лацковъ Андоръ въ мадьярскомъ журналѣ „Csehszlovák Jog“, гдѣ (годъ изданія VII. тетрадь № 33., страница 242., часть III. начатіе 8.) говорить дословно: — „не было бы совмѣстимо съ единствомъ державы, если своего времени для Подкарпатской Руси созвать имѣющійся свой отдельный сеймъ рѣшилъ бы вынести такой законъ, который бы вопреки конституціонной грамоты опредѣлилъ, что на територіи Подкарпатской Руси русскій (руській) языкъ есть государственнымъ языкомъ и что вслѣдствіе того на територіи Подкарпатской Руси въ дѣлахъ чешскихъ, словенскихъ и мадьярскихъ сторонъ можетъ и русскій (руській) языкъ употребляться, какъ государственный языкъ“ — станетъ намъ очевиднымъ, что господинъ Дръ Лацковъ перестрѣлилъ въ своей защитѣ правъ чехословацкаго государственного языка и какъ ученикъ идетъ дальше, чѣмъ его учителя, чешскіе юристы. Впрочемъ его усердіе было бы намъ абсолютно безразлично, если бы не было направлено противъ нашихъ правъ, которыя защищать должны мы противъ всякого.

Правдою есть конечно тоже и то, что и Дръ Кржепинскій исповѣдуєтъ то, что мы уже выше примѣтили, что поданія на чехословацкомъ госуд. языкѣ должны быть приняты и на територіи Подкарпатской Руси во всѣхъ вѣдомствахъ потому,

что какъ онъ говоритъ: „нельзя государственный языкъ на единой государственной територіи провозгласить за языкъ меньшинства и потому ани чехословацкій языкъ не можетъ быть исключенъ изъ урядовъ Подкарпатской Руси, но имѣть равное право съ тѣмъ языккомъ, который будетъ въ Подкарпатской Руси провозглашенъ за официальный языкъ („langue officielle“)

Изъ сего заявленія важны двѣ вещи. Во первыхъ, что чешскій юристъ, своего времени референтъ правосудія назначенный Прагой для Подкарпатской Руси, значитъ отвѣтственное лицо, выводить изъ принципа единства державы только то единственное требованіе, чтобы языкъ государства не былъ изгнанъ изъ автономной територіи, а во вторыхъ важно дальнѣйшее заключеніе являющееся въ томъ, что даже по чешскому мнѣнію не имѣть чехословацкій государственный языкъ болѣе выгодное правовое положеніе и что даже въ найхужемъ для насъ случаѣ есть только **равнымъ** съ автономнымъ русскимъ (руськимъ) официальнымъ языкомъ. Если же два языка суть себѣ равны, тогда и уложеніе дѣла на одномъ только русскомъ языкѣ считается уложеніемъ дѣла на государственномъ языкѣ.

Для лучшаго пониманія даннаго вопроса не мѣшаетъ знать намъ и то, что одинъ другой правовый знатокъ министерства юстиціи, секціонный шефъ Антонинъ Гартманъ въ своей книгѣ „Предписанія языковаго права“ (изданіе Чехословацкаго Компаса въ Прагѣ 1926), въ которой комментируетъ языковый законъ № 122, 920 и языковое распоряженіе № 17/926 Сб. з. и р., говорить на страницѣ 73. слѣдующее:

„Урегулированіе языковыхъ дѣлъ (со стороны сейма) не нарушило бы привилегированного положенія чехословацкаго языка а тѣмъ и единства державы, если бы будущій сеймъ обоимъ языкамъ обеспечилъ равные права, то есть объявилъ бы официальными оба языка“.

Желаю подчеркнуть, что высшеприведенные тексты изъ работъ Кржепинскаго и Гартмана являются выражениемъ чехословацкихъ взглядовъ, изъ коихъ рѣшительно ближе намъ стоитъ взглядъ Крженинского, который еще видитъ **исключеніе** относительно Подкарпатской Руси, противъ тому же взглядъ Гартмана до нѣкоторой степени представляетъ собой логическую неестественность, вѣдь врядъ-ли можно на одинъ и тотъ же объектъ примѣнять правило и исключеніе вмѣстѣ. Организмы съ двумя языками, и если расходится о публично-правовыхъ корпораціяхъ, выглядываютъ какъ неприродные монстры а при томъ и не пригодны въ практической жизни уже потому, что **обязательное** улаживаніе дѣлъ на двухъ государственныхъ языкахъ затруднило бы дѣловодство урядовъ въ Подкарпатской Руси на столько, что какъ разъ на автономной територіи работалъ бы урядовый аппаратъ найслабшимъ темпомъ. При томъ и не говоримъ о томъ, что совершенное

изученіе двухъ государственныхъ языковъ не было бы урядникамъ по силамъ.

Посему то установленіе второго начатія §-а б. языковаго закона, что до урегулированія языковыхъ дѣлъ сеймомъ, нужно при урядованіи смотрѣть къ особымъ (спеціальнымъ) языковоправовымъ условіямъ автономной територіи, должно быть понимано такъ, что на этой територіи слѣдуетъ употреблять вмѣсто правила исключеніе, значитъ вмѣсто чеховацкаго государственного языка русскій языкъ какъ офиціальный. Здѣсь вѣдь не въ томъ надо искать „особая языковая условия“ Подкарпатской Руси, что здѣсь можетъ быть живеть пропорціонально большое мадьярское народное меньшинство или въ томъ, что персональ урядовъ состоять въ большинствѣ изъ чешскихъ чиновниковъ, но единственно и правильно въ томъ именно, что Подкарпатская Русь имѣеть свои особая языковая права, ширшя, чѣмъ права народныхъ меньшинствъ и ихъ даже до той поры, пока ихъ опредѣленно обрисуетъ сеймъ, слѣдуетъ въ полной мѣрѣ соблюдать и додерживать!

Далѣе считаю неправильной и ту теорію, которая автономныя права, въ томъ и права русского (руськаго) языка и ихъ примѣненіе съуживаетъ на кругъ однихъ лицъ принадлежащихъ къ русскому народу и какъ больше разъ цитированный Дръ Лацковъ предполагаетъ, что русское улаженіе урядового дѣла можетъ быть выдано только русскимъ людямъ, даже и имъ только тогда, если этого своего права домагаются (1. подаютъ русское поданіе, 2. дискутируютъ порусски или 3. требуютъ русское рѣшеніе) а противъ тому во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, именно чехословакамъ, мадьярамъ и своимъ русскимъ языкомъ не пользующимся русинамъ якобы принадлежало только чехословацкое улаженіе.

Такое мнѣніе не есть правильнымъ потому, что всѣ отрасли карпаторусской автономіи значить и языковая автономія принадлежить „землѣ югокарпатскихъ Русиновъ“ значить територіи вообще, не только русскому народу, какъ этнографической группѣ. Пользованіе языковыхъ правъ обозначаетъ правда — для русиновъ право, но для урядовъ дѣствующихъ на автономной територіи обязанность.

Обязанность и въ томъ случаѣ, если правоимѣющіе еще настолько примитивны, что не сознаютъ вполнѣ выгоду своего правового положенія и не вынуждаютъ соблюденіе своихъ правъ силой. Ни подъ какимъ видомъ не можемъ приступить на автономію сокращенную на членовъ одного русского этноса, ибо таковая весьма легко можетъ превратиться въ пустую культурную автономію.

Въ нашихъ державноправовыхъ стремленіяхъ впрочемъ всѣ наши передовые люди сошлись на томъ, что имѣли передъ собой всегда идеаль територіальной автономіи, и правильно,

ибо источники нашего права (мирный договоръ, конституція) забезпечивають територіальну автономію „землѣ Русиновъ“!

Посему изъ сей точки зрењія обоснованной прежними выводами слѣдуєтъ какъ ошибочную отвергнуть такую экспликацію установленій 2. и 3. начатія, статьи 100. языковаго распоряженіа № 17/926. какъ будто бы въ Подкарпатской Руси разбирательство, урядованіе и вообще улаженіе дѣль на русскомъ (руськомъ) языкѣ было правомъ и одновременно обязаностю судовъ, урядовъ и иныхъ органовъ только тогда, если къ тому подало поводъ русское поданіе или этого рода устное желаніе стороны и еще большей ошибкой есть тотъ взглядъ, который хочетъ нашимъ урядамъ и урядникамъ навязать Дръ Лацковъ, что поданіе на русскомъ языкѣ можетъ подать респективе русское улаженіе дѣла требовать только лицо принадлежащее къ русскому народу и что чехословаккія и мадьярскія стороны могутъ подавать только чехословаккія респ. чехословаккія и мадьярскія поданія и что вѣдомства въ дѣлахъ чехословаковъ и мадьяръ могутъ выдавать только чехословаккія респективе чехословаккія и мадьярскія улаженія.

Такого опредѣленного установленія насчетъ Подкарпатской Руси не содержитъ въ себѣ языковое распоряженіе и къ такому выводу не даетъ основу ани I. начатіе статьи 100, которое предписуетъ, что до упорядоченія карпаторусскихъ языковыхъ дѣль сеймомъ имѣютъ дѣйствіе установленія о государственномъ языкѣ и для Подкарпатской Руси. Относительно правильнаго смысла сего I. начатія статьи 100. провозгласилъ въ парламентныхъ дебатахъ о языковомъ распоряженіи народно-демократической посолъ Дръ Гайнъ какъ референтъ этого правительственного распоряженія, что I. начатіе нужно было въ дѣйствительности помѣстить за 2. и 3. начатіемъ, чтобы такимъ образомъ была совершенно ясна основная мысль правительственной власти выдавшей это распоряженіе, что нормы дѣйствительныя относительно государственного языка *mutatis mutandibus* дѣйствительны и въ Подкарпатской Руси при примененіи русскаго (руськаго) языка*)

Значить и по мнѣнію офиціальныхъ чехословаккихъ круговъ въ Подкарпатской Руси находится русскій (руській) языкъ на правовомъ уровнѣ государственного языка. Потому употребленіе этихъ двухъ языковъ въ дѣлахъ продинокихъ

*) Статья 100. яз. распоряженія гласить:

1: До упорядоченія языковаго вопроса для Подкарпатской Руси ея сеймомъ, дѣйствительны и для нея установленія сего распоряженія.

2. Въ языкѣ русскомъ (малорусскомъ) можно во всѣхъ судахъ, урядахъ и органахъ по всей Подкарпатской Руси совершать поданія а такія поданія нужно въ томже языкѣ разбирать и улажать. Въ томъ языкѣ кромѣ государственного языка должны быть обозначены всѣ урядовыя зданія и выдаваны урядовыя объявленія.

3. Поданія составленныя въ русскомъ (малорусскомъ) языкѣ должны быть приняты во всѣхъ самоуправныхъ и общественныхъ урядахъ

лицъ какъ для сторонъ, так и для вѣдомствъ есть факультативно и послѣ выдачи правительственного распоряженія, то есть въ Подкарпатской Руси каждая сторона можетъ подать чехословацкое или русское поданіе и требовать чехословацкое или русское уложеніе не смотря на то, что къ которому народу принадлежитъ.

Вѣдомства же и органы тогда, когда изъ урядового начинанія „ex offo“ выдаютъ рѣшенія или кореспондуютъ между собой, и при нынѣшнемъ регуляменѣ могутъ по своему усмѣтрѣнію урядовать на чешскомъ или русскомъ языкахъ.

Слѣдовательно русскіе урядники, судьи, публичные нотаріусы и пр. въ Подкарпатской Руси, если въ своемъ урядѣ работаютъ порусски, не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности на основаніи языковаго распоряженія, которое не запрещаетъ русское урядованіе. Упомянутый высше нар. демократическій посолъ Дръ Антонинъ Гайнъ на своей лекціи дня 17 іюля 1927 въ готелѣ „Коруна“ въ Ужгородѣ касаясь языковаго распоряженія вторично подчеркнулъ, что въ Подкарпатской Руси есть русскій языкъ тоже офиціальнымъ „автономнымъ“ языкомъ такъ какъ чехословацкій языкъ для остальныхъ частей Республики есть офиціальнымъ „государственнымъ“ языкомъ.

Иначе бы и не имѣла смысла наша языковая автономія (законодательство въ настоящемъ смыслѣ греческаго слова), потому, что если бы правильной была такая экспликація, что внутреннее русское урядованіе намъ не позволяетъ и что виѣшнее урядованіе (со сторонами) возможно только тогда, если этому предшествуетъ русское поданіе стороны, но и тогда лишь въ дѣлахъ Русиновъ, то признаюсь, не знаю, въ чемъ же должна заключаться автономія русскаго (руськаго) языка и какая же есть разница между „автономнымъ“ и „меньшинственнымъ“ языкомъ въ пользу прежняго ? !

При такомъ мудрованіи то установленіе позитивнаго права, что на русскомъ языкѣ можно русскія поданія подавать и русское уложение требовать по всей Подкарпатской Руси, обозначало бы на практикѣ лишь столько, что и въ берегасскомъ судебнѣмъ округѣ, гдѣ нѣть 20%‐овъ русскаго населенія, можно подавать тоже русскія поданія. Но при нѣкоторой bla-

и корпораціяхъ Подкарпатской Руїи и за тѣхъ самыхъ условій примѣняемыхъ къ госуд. языку, должны быть тоже въ немъ (въ русскомъ языку) уложены. На ихъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ можно всегда пользоваться этимъ языкомъ а предложенія и проекты предложенные въ этомъ языку должны стать предметомъ обсужденія. Относительно виѣшняго обозначенія самоуправныхъ урядовъ и общественныхъ корпорацій и ихъ обявленій долженъ быть русскій (малорусскій) языкъ примѣненъ за тѣхъ самихъ условій, какъ и государственный языкъ.

4. Державные чинозники исполняющіе службу въ жупанскихъ урядахъ и уѣздныхъ начальствахъ подлежать установленіямъ, дѣйствительнымъ для державныхъ чиновниковъ.

госклонности государственной власти, если бы напримѣръ соединили берегсасскій и иршавскій судебные округа, могли бы Русины достичнуть требуемыхъ 20%, а тѣмъ самимъ и права на пользованіе языка. Но къ такому „достиженію“ воистину не нужно было автономіи, гарантированной свѣтовыми державами.

Итакъ видимъ, что если характеръ „исключительного“, „единственного“ чехословацкаго урядового языка и на автономной Подкарпатской Руси будемъ объяснять такъ, какъ это дѣлается съ чехословацкой стороны при экспликаціи языковаго распоряженія, достанемся „ad absurdum.“

Сторонники „единственного“, „исключительного“ чехословацкаго государственного языка противъ автономнаго положенія русскаго языка, какъ офиціального языка карпаторусской территоріальной администраціи, суда и законодательства приводятъ какъ самое сильное орудіе всегда единство державы.

Высше мы уже объяснили, что единство державы есть очень широкимъ понятіемъ.

Возможно одно государство и безъ единаго государственного языка, и даже съ больше урядовыми языками. На самомъ дѣлѣ употребляются въ чехословацкихъ частяхъ Республики два разныхъ языка, чешскій и словацкій вопреки тому, что позитивное право говоритъ объ одномъ чехословацкомъ языкѣ. Единство державы не доказуетъ единый урядовый языкъ, вѣдь Австрія и Германія урядуютъ обѣ понѣмецки, Англія и Американская Унія по-англійски а зато не суть однимъ государствомъ. Для единства державы характерны другія критеріи а именно:

1. одно и тоже лицо есть главою государства. Президентъ Чехословакіи какъ публичноправовое лицо есть президентомъ и для Подкарпатской Руси, — 2. въ международной жизни выступаетъ Чехословацкое государство какъ единица, одну часть которой творить Подкарпатская Русь; — 3. державное гражданство одно и тоже, — 4. верховная государственная власть одна и также, также распространяется на Подкарпатскую Русь какъ и на остальныя части Республики и поскольку конституція чехословацкаго государства не статуовала въ карпаторусскомъ автономномъ устройствѣ исключенія, осуществляется тѣми же органами (центральнымъ законодательствомъ и ему отвѣтственнымъ центральнымъ правительствомъ.)

Самобытность „автономію“ характеризуетъ, что 1. юридически признанный край „земѣ“ и имѣетъ название „Подкарпатская Русь“, образуетъ карпаторусскую „политическую націю“ съ отдельной территоріей, которая однако не даетъ гражданства. 2. въ центральномъ законодательствѣ выражаемъ общую волю государства имѣетъ пропорціональное представительство, которое однако обѣ автономныхъ дѣлахъ въ Прагѣ решать не имѣетъ право (смотрі мировой договоръ);

3. въ общегосударственномъ гербъ имѣть свой отдельный знакъ (медвѣдь) и можетъ пользоваться своимъ отдельнымъ флагомъ; 4. важныя публичныя дѣла принадлежать до области самоуправлениѧ, которое распространяется такъ на законодательство (сеймъ) какъ и на управлениe и администрацiю (губернаторъ).

Именно до области карпаторусской автономiи входитъ законодательная и исполнительная власть въ дѣлахъ 1. религiи, 2. нар. просвѣщенiя, 3. языковыхъ дѣль, 4. мѣстной администрацiи (local guvernemant), правильнѣе внутренней администрацiи и 5. во всѣхъ дѣлахъ, которая центральное законодательство придалиtъ до компетенцiи мѣстного автономнаго законодательства.

Законодательную власть относительно сихъ отраслей дѣль исполняетъ автономный сеймъ и президентъ республики. Автономное управлениe исполняетъ карпаторусское мѣстное правительство, во главѣ которого стоитъ президентомъ республики назначаемый губернаторъ, который отвѣчаетъ передъ сеймомъ. По правдѣ должны мы замѣтить, что практика „*via facti*“ статуировала совсѣмъ другое положенiе, далѣе правда, что законъ объ административной реформѣ передаетъ управлениe краемъ до рукъ краеваго президента а не губернатора, но это ничего не отнимаетъ отъ юридической правоважности конституцiи, обозначаетъ лишь то, что конституцiя была нарушена. На всякий случай дѣло не дошло еще такъ далеко, чтобы централисты отрицали даже автономный характеръ Подкарпатской Руси. Если же это принуждены признать, тогда должны принять къ свѣдѣнiю и то, что Подкарпатская Русь, какъ автономная публично правовая единица является такой политической формацией, которая вопреки тому, что не есть государствомъ, все же въ извѣстныхъ, конституцiей опредѣленныхъ дѣлахъ, выносить законы. Право законодательства принадлежитъ ей какъ ея собственное право и до тѣхъ поръ, пока конституцiя не была перемѣнена, не могутъ быть ея права отмѣнены простымъ закономъ, тѣмъ менѣе правительственнымъ актомъ.

Потому карпаторусскимъ факторамъ совершенно не слѣдуетъ безъ возраженiя принимать такого рода объясненiе языковаго распораженiя, какъ будто бы это установило официальнымъ языкомъ единственно чехословацкiй языкъ а если практика все же такимъ путемъ идетъ, тогда въ каждомъ конкретномъ случаѣ надо его правильность оспаривать передъ надзирательными урядами и найвысшимъ административнымъ судомъ. Если бы потомъ и найвысший административный судъ далъ за правду сторонникамъ исключительного чехословацкаго государственного языка, тогда будетъ дѣломъ карпаторусскихъ политическихъ факторовъ добиться вмѣсто нынѣшняго распоряженiя появленiя и осуществленiя карпаторусского язы-

коваго регулямена отвѣчающаго нашимъ юридическимъ взглядамъ.

Постоянное указываніе на единство державы, ни съ точки зрењія позитивного права, ни по юридической философіи не оправдаетъ въ Подкарпатской Руси такое стремленіе, чтобы русскій автономный языкъ былъ поставленъ на уровень меньшинственныхъ языковъ.

Такіе обороты рѣчи, какъ „единство державы“ „единое государство“ съ точки зрењія юридической науки сами по себѣ, и если столь часто встрѣчаются въ законодательствѣ, являются только простыми юридическими выраженіями „фразами“, у которыхъ позитивный смыслъ даетъ только содержаніе конституціи самой а никакъ не то, что разумѣеть юридическая наука подъ понятіемъ „единой“ державы. Если же слѣдимъ за тѣмъ, какимъ образомъ сталаась Подкарпатская Русь составной частью Чехословацкой Республики (рѣшеніе центральной Русской нар. Рады и мировой конференціи) и если раздѣлимъ коституцію Чехословакіи на элементы, можемъ въ ней найти даже признаки союзного государства. Съ таковымъ сомнѣніемъ довольно часто встрѣчаемся въ работахъ чехословацкихъ юристовъ, которые вполнѣ понятно-отношеніе Подкарпатской Руси къ цѣлому государству рѣшаютъ всегда въ пользу единаго государства.

Если какъ критеріумъ союзного „сложнаго“ государства возьмемъ дефиницію юридической науки, что такое „сложное“ государство есть соединеніемъ нѣсколькихъ державъ для извѣстныхъ всенациональныхъ цѣлей въ одно государство тѣмъ способомъ, что самыя общія задачи входять въ компетенцію цѣлаго союзного государства, другія же задачи въ компетенцію составныхъ державъ „штатовъ“, тогда этотъ процессъ можемъ найти и — въ соединеніи и конституціи Чехословакіи и Подкарпатской Руси представляемой центральной Р. Нар. Радой. Какъ найхарактернѣйшее „союзное“ „сложное“, государство приводятъ обыкновенно Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Ихъ государственный строй служилъ идеаломъ передъ карпаторусскими дѣятелями, когда съ нынѣшнимъ господиномъ президентомъ Республики Т. Г. Масарикомъ вели переговоры о присоединеніи Подкарпатской Руси къ Чехословакіи. Экспозе первого губернатора Григорія Жатковича свидѣтельствуетъ тоже о правильности нашего взгляда и даже его демиссію нужно приписать на счетъ того, что представители центральной правительственной власти не дали ему возможность, чтобы державноправовое положеніе Подкарпатской Руси построилъ по образу американскихъ „штатовъ“ — членовъ Унії.

Если дефиницію преподаваемую въ „Политикѣ“, Балога о „союзномъ“ государствѣ примѣнимъ къ Чехословакіи, тогда съ точки зрењія юридической науки можемъ ее зачислить между союзныя государства, ибо можемъ сказать, что ея

територія есть суммою територій Подкарпатской Руси и остальнихъ краевъ, ея нація есть народъ всѣхъ этихъ частей вмѣстѣ. Надъ дѣлами входящими въ компетенцію центральной государственной власти Чехословакой державы имѣеть полную государственную власть (законодательство, исполнительная власть и судопроизводство) **возлѣ** власти Подкарпатской Руси, которая распространяется только на автономныя дѣла не переведенныя на центральную власть.

Центральной государственной власти подчиняются граждане непосредственно, центральная конституція, и законы имѣютъ большую силу, чѣмъ конституція и законы автономнаго края, которые не могутъ противорѣчить центр. конституціи. Съ точки зрењія писанаго права то установленіе, что Подкарпатская Русь въ внутреннемъ державноправовомъ отношеніи есть частью Чехословакіи, еще не исключаетъ ея союзный „сложный“, характеръ, вѣдь основою союзного государства есть тоже союзная конституція и одинокіе союзные штаты не имѣютъ права отдѣлиться отъ государства.

И у союзныхъ государствъ есть государственный характеръ только совмѣстно, потому, что члены имѣютъ только частично компетенцію. Если къ тому возьмемъ во вниманіе то, что Подкарпатская Русь имѣеть автономію и въ религії и потому имѣеть право вольно распоряжаться въ дѣлахъ религіи, можно для нея оспаривать и свободу заключать конкордаты, что уже нѣкоторый, хотя ограниченный международноправовый характеръ придаетъ нашей автономной русской територіи, и это опять свидѣтельствуетъ лишь объ ея характерѣ составнаго „штата“.

И въ другихъ направленіяхъ могли бы мы сопоставить содержаніе конституціи Чехословакіи и научную теорію о союзномъ „сложномъ“ государствѣ а именно полной мѣрой въ пользу Подкарпатской Руси, какъ „краины“ „штата“, но и этого достаточно для того, чтобы доказать **неправильность** такой экспликаціи позитивнаго права, которая изъ общихъ юридическихъ фразъ („единое государство“ и пр.) хочетъ сконструовать образъ одного государственного строя **а не изъ содержанія конституціи.**

Такъ обстоитъ дѣло и съ положеніемъ государственного языка, если насильно выводимъ консеквенціи только изъ одного оборота рѣчи „единство державы“ а не видимъ, не хотимъ видѣть въ пользу автономной Подкарпатской Руси предоставленное **исключеніе.**

Возвращаясь къ ядру нашей диссертациі можемъ констатировать, что :

1. чехословакій языкъ по правиламъ есть государственнымъ языкомъ, но за **исключеніемъ** Подкарпатской Руси (I. нач.. I. §-а языковаго закона), гдѣ офиціальный языкъ мѣстнаго законодательства, урядованія и судопроизводства

опредѣлить автономный сеймъ (§ 6. языковаго закона)

2. пока это случится, до тѣхъ поръ относительно Подкарпатской Руси нужно примѣнять установленія языковаго закона, касающіяся чехословацкаго государственного языка только съ вниманіемъ на **особыя языковыя права** этой територіи (2. нач. §-а 6. языковаго закона), вслѣдствіе чего статью 100. языковаго распоряженія № 17,926 относительно Подкарпатской Руси нужно понимать такъ, что русскій (руській) языкъ долженъ разматриваться наравнѣ съ чехословацкимъ государственнымъ языкомъ и потому, если чехословацкая сторона не требуетъ отдельно улаженія во своемъ языкѣ, нужно улаженіе на русскомъ языкѣ разматривать такъ, какъ бы это было на государственномъ языкѣ. Такъ само урядамъ и органамъ дѣйствующимъ на Подкарпатской Руси не можетъ быть запрещено дѣловодство на русскомъ языкѣ, ибо русскій языкъ, какъ автономный языкъ есть также официальнымъ языкомъ на Подкарпатской Руси какъ чехословацкій языкъ есть языкомъ государственнымъ въ цѣлой державѣ (Изъ рѣчи Дра А. Гайна).

3. языковыя права національныхъ меньшинствъ, разумѣется, должны быть респектованы въ Подкарпатской Руси по крайней мѣрѣ настолько, какъ въ остальныхъ частяхъ Республики.

* * *

Тѣмъ кончится наша диссертациѣ. Допускаю, что многіе наши доводы приведенные на защиту русскаго языка не будутъ приняты съ противоположнаго лагеря, но все же нужно было разъяснить взгляды сторонниковъ русскаго языка хотя бы потому, чтобы эти скромныя строки служили опорой тѣмъ немногимъ сознательнымъ нашимъ русскимъ урядникамъ, которые стараются еще урядовать порусски. Неуспѣхъ нашего языка завинили наши политики, а не тѣ урядники, которымъ не дается возможность урядовать по русски и потому будетъ повинностью политиковъ провести наши языковыя стремленія до побѣдоноснаго конца.

* * *

Послѣсловіе: Пособія: Сан.-жерменскій договоръ, конституціонная грамота, языковый законъ, генеральный статутъ, языковое распоряженіе.

Восемъ лекцій о П. Руси, Предписанія языковаго права отъ А. Гартмана, газетныя свѣдѣнія о парламентныхъ рѣчахъ послы А. Гайна и его лекція въ Ужгородѣ, Надь Ерны: Публичное право, Балогъ: Политика.